

— Ваше величество, я вовсе не сержусь. — Когда он поднял голову, Ван Дянь посмотрел на него с самым серьезным видом. — Я просто кое-что осознал.

— Что именно? — Лян Е, по-видимому, чувствовал себя неважно, так как вяло привалился к его плечу.

Ван Дянь помолчал некоторое время, а затем негромко произнес:

— Вы — правитель государства Лян, а я — человек, который невесть откуда здесь взялся, личность моя неясна, и, по сути, я лишь точная копия вашего лица. То, что я удостоился вашего внимания и теперь служу вам, — это величайшая удача. Я... должен быть безмерно благодарен и приложить все силы к тому, что вы задумали. То, что вы позволили мне остаться в живых, — уже великая милость, и мне не следует проявлять неблагодарность.

Ван Дянь говорил спокойно, но аура вокруг Лян Е становилась всё холоднее.

— Ты не такой, как они. Ты — мое сокровище, и я позволяю тебе быть неблагодарным.

Ван Дянь дернул уголком рта, но улыбнуться не смог.

— Слушаюсь.

Лян Е на мгновение замер, поднял голову и посмотрел на него.

— Почему не возражаешь мне?

— Возражать в чем? — не понял Ван Дянь.

— В том, что ты не вещь, и я должен... — Лян Е тщательно попытался припомнить, нахмурившись, и добавил: — ...уважать тебя или что-то в этом роде.

Ван Дянь не удержался от усмешки.

— Ваше величество, это мои несбыточные мечты. К тому же у меня нет никаких оснований требовать от вас уважения.

У Лян Е и без того сильно болела голова, а слова Ван Дяня, полные скрытого смысла, затагивали его, словно в трясику, из которой невозможно выбраться. Он ничего не понимал и мог лишь растерянно смотреть на Ван Дяня.

— Ван Дянь, у меня болит голова.

— В таком случае, прошу вас, Ваше величество, как следует отдохнуть. — Ван Дянь слегка улыбнулся, его тон и поведение были исполнены почтения.

Лян Е подался вперед, возможно, желая обнять его или подобраться ближе, но вдруг замер и отстранился. Спустя мгновение он всё же подался вперед, коснулся губами уголка рта Ван Дяня, а затем поднялся и ушел.

Ван Дянь долго молча смотрел на выцветший полог кровати, затем перевел взгляд на опустевшую чашу из белого нефрита, стоявшую на столе. Он взял ее и поднес к носу, принюхиваясь.

Никакого запаха лекарственных трав он не почувствовал. Тогда он осторожно пригубил остатки отвара и от горечи чуть было не вырвал прямо на месте.

Он не был знатоком медицины, поэтому ни вкус, ни запах ничего ему не дали. Поставив чашу обратно, он с силой потер ноющие виски. Не успел он даже до конца вздохнуть, как в глубине мозга что-то острое резко полоснуло его, и острая боль заставила его вскрикнуть. На мгновение разум погрузился в пустоту, осталась лишь нестерпимая боль.

Он не мог вспомнить, кто он, что происходило в прошлом и что он делал минуту назад. Осталась лишь всепоглощающая боль, словно его заживо закопали в лед. Он перестал чувствовать собственное тело, существовала только мука, граничащая с безумием.

Когда приступ стих, он, покрытый холодным потом, тяжело дышал, всё его тело дрожало. Остаточное эхо боли разлилось по венам, и было невозможно понять, где именно болит. Она была повсюду, тонкая, пронизывающая, нескончаемая, не имеющая источника, из-за чего ему хотелось разбить или разорвать что-нибудь, чтобы выгнать это ощущение из своего тела.

Прошел целый час, прежде чем он оправился от этого ужаса. Воспоминания начали возвращаться, восприятие окружающего мира постепенно восстанавливалось.

Ван Дянь снова посмотрел на чашу, и взгляд его совершенно изменился.

Он сделал всего один маленький глоток.

Помутнение рассудка или провалы в памяти после этого отвара могли быть лишь побочным эффектом, но настоящий кошмар заключался в невыносимой боли и ужасе от того, что мир вокруг превращается в пустоту.

А Лян Е пил это с восьми лет.

Неудивительно, что он сошел с ума.

Ван Дянь снова лег в постель и вытащил из-за пазухи жетон Теневого отдела. Кончиками пальцев он нащупал что-то твердое — это оказался гладкий маленький камешек. Он показался ему знакомым: очень похож на тот, которым Лян Е кинул в него, попав по тыльной стороне ладони. Он вспомнил, как Лян Е подобрал его, когда сбивал кусок черепицы с беседки.

Он наконец вспомнил, зачем пришел к Лян Е: он хотел помешать ему пить этот отвар.

Обиженный голос Лян Е, жалующегося на боль, его беспомощный взгляд перед уходом, сменяющийся холодным, безумным блеском в глазах, — всё это проносилось перед ним, пока не остановилось на картине: Лян Е, лениво улыбаясь, подбрасывает в руке камешек.

Ван Дянь подержал камень в ладони, а затем спрятал его в потайной карман рукава.

Ребачество. Он сам перестал играть с камешками еще в восемь лет.

Ван Дянь пролежал в полубреду в опочивальне весь день. Лишь глубокой ночью, когда голова снова начала раскалываться, он открыл глаза и поднялся, чтобы найти воды.

Чун Хэн бесшумно спрыгнул с балки и налил ему чашку теплой воды.

— Спасибо, — Ван Дянь принял ее и выпил залпом. Чун Хэн тут же налил еще.

— Завтра мы отправляемся из гор Шицзай обратно во дворец на церемонию поклонения предкам. Мне нужно вернуться в свои покои, чтобы подготовиться, — сказал Ван Дянь. — А где Его величество?

— Хозяин запретил мне говорить вам, — ответил Чун Хэн.

— У меня к нему важное дело, — подчеркнул Ван Дянь. — Очень важное.

Чун Хэн помедлил.

— Идемте за мной.

Даже ночью во дворце было темно, лишь тусклый свет фонарей освещал узкую дорожку. Изредка мимо проходили дозорные. Чун Хэн повел его по глухой тропинке. Стояло начало лета, стрекот насекомых и цикад сливался в сплошной гул, и вскоре Ван Дянь взмок от жары.

— Если он пьет этот отвар, он забывает всё, что было до этого? — внезапно спросил Ван Дянь.

Чун Хэн помолчал, прежде чем ответить:

— Не всегда. Иногда память просто становится размытой, он не помнит деталей или мелочей, а иногда теряет целые пласты воспоминаний. Хозяин... он теперь уже плохо узнает лица людей.

— А если не пить, сколько продлится боль? Она будет постоянной? — снова спросил Ван Дянь.

— Не знаю. Хозяин никогда не говорит, — голос Чун Хэна звучал подавленно.

Ван Дянь молча продолжал следовать за ним.

Чун Хэн остановился перед огромным деревом гинкго и, задрав голову, сказал:

— Хозяин наверху, идите к нему.

Ван Дянь поднял голову и долго смотрел на уходящую в небо крону.

— ...

— Это дерево хозяина, он мне не разрешает лазать, — добавил Чун Хэн и, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь, не давая Ван Дяню возможности что-либо ответить.

Луна на небе была полной и яркой, на земле серебрился иней. Ван Дянь постоял под деревом, нашел место, где было меньше комаров, и сел, вытащив из рукава веер.

Прошло около получаса, а может, и больше, когда на дереве послышался шорох. Золотистый подол императорского халата с вышитыми драконами свесился с ветки прямо над головой Ван Дяня, и скомканный лист гинкго мягко упал ему на плечо.

Ван Дянь встал и, подсвечивая себе лунным светом, посмотрел вверх.

Лян Е, лениво прислонившись к ветке, улыбался ему, вертя в пальцах помятый лист.

— Ваше величество, вы помните меня? — спросил Ван Дянь.

— Не помню. — Улыбка Лян Е померкла, он внезапно закрыл глаза, нога его соскользнула, и он полетел вниз с ветки.

Всё произошло слишком быстро, и Ван Дянь инстинктивно протянул руки, чтобы поймать его.

Однако Лян Е, зацепившись ногой за ветку, завис вниз головой всего в нескольких дюймах от него. Он неспешно открыл глаза, скрестил руки на груди и ослепительно улыбнулся. От этого

движения крона гинкго зашумела, и несколько листьев, кружась, опустились на землю.

Ван Дянь невозмутимо опустил руки.

Лян Е протянул руку, снял лист с плеча Ван Дяня и кончиком листа провел по его подбородку.

— Зачем ты искал меня? — пробормотал он.

Ван Дянь отступил на шаг и достал из рукава маленький серебряный замочек.

— Ваше величество, вы помните это?

— Нет. — Лян Е равнодушно скользнул взглядом по предмету и продолжил щекотать его кадык кончиком листа.

Ван Дянь непроизвольно сглотнул и серьезно произнес:

— Тот ребенок — непростой человек. Я уже отправил Чун Хэна разузнать всё, но посчитал, что лучше спросить вас. Если у вас есть свои планы, я не буду вмешиваться.

— Планов нет. Я сказал, делай с государственными делами что хочешь. — Лян Е снова положил лист ему на плечо и с явным отсутствием интереса добавил: — Ты пришел ко мне среди ночи только ради этого?

— Да, — ответил Ван Дянь. — Если у вас нет других распоряжений, я откланяюсь. Завтра отправимся в путь в назначенное время.

Лян Е спрыгнул с дерева, помолчал, а затем ткнул его пальцем в лоб.

— Еще болит?

— Уже нет, благодарю за заботу, Ваше величество, — ответил Ван Дянь. — Я пойду.

— Не уходи! — Лян Е посмотрел на него с раздражением.

Ван Дянь послушно замер на месте.

Лян Е обошел его вокруг и ткнул пальцем в гу-червя, что шевелился под кожей на запястье Ван Дяня.

— Я не заберу этого червя из тебя.

Ван Дянь промолчал.

— Помоги мне, — Лян Е пристально смотрел на него, с трудом подбирая слова. Брови его были сдвинуты так, будто он в любой момент был готов либо убить его, либо развернуться и уйти. Но всё же, против воли, он произнес: — Прошу... помоги мне. Я больше не буду использовать червей просто так.

Ван Дянь удивленно приподнял бровь.

— Ваше величество, вы серьезно?

— Не называй меня так! — Лян Е, казалось, разозлился, и скальпель в его руке без колебаний прижался к горлу Ван Дяня.

Ван Дянь едва заметно усмехнулся.

— Это и есть ваше проявление искренности?

Лян Е прищурился, скальпель мгновенно исчез в его руке, и он отрывисто бросил:

— Стань прежним.

— Что? — Ван Дянь замер.

— Стань прежним. — Лян Е согнул палец и осторожно коснулся его кадыка, глядя на него с мольбой, но голос его звучал властно и твердо: — Мне нужен прежний Ван Дянь.

Ван Дянь смотрел на него и молчал.

Лян Е по привычке хотел было подчинить его волю червем, но, вспомнив, как Ван Дянь упорствовал до последнего, снова почувствовал раздражение и собрался уходить.

— Лян Е! — внезапно окликнул его Ван Дянь.

Лян Е резко остановился и обернулся. Его глаза в лунном свете, казалось, сияли от восторга.

Ван Дянь вытащил из рукава маленький камешек и спросил:

— Зачем ты подсунул мне это?

<http://bllate.org/book/21737/2247151>